

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ПАКТА (ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1937)

В настоящей статье, являющейся продолжением предыдущих публикаций автора по истории образования на Ближнем и Среднем Востоке региональной политической группировки в составе Турции, Ирака, Ирана и Афганистана, на основе анализа широкого круга опубликованных и архивных дипломатических документов и других источников освещается слабо изученный в советской и зарубежной историографии вопрос о заключительном этапе переговоров, приведших к подписанию 8 июля 1937 г. Ближневосточного пакта и образованию Ближневосточной Антанты.

Советскими историками убедительно показано, что в силу ряда обстоятельств, определявшихся прежде всего позицией влиятельных турецких кругов, сложившиеся ранее отношения тесного сотрудничества между СССР и Турцией со второй половины 30-х гг. не получили своего дальнейшего развития. Немаловажную роль в этом сыграло начавшееся сближение Турции с Англией, которое во второй половине 30-х гг. стало перерастать в тесное англо-турецкое сотрудничество по многим международным вопросам. На возникновение трудностей и осложнений в советско-турецких отношениях этого периода повлияли также усилившиеся контакты Анкары с державами фашистской оси [См.: 1. С. 133—143; и др.]. Тем не менее правительство СССР постоянно стремилось к сохранению в отношениях с Турцией духа дружбы и сотрудничества, продолжало предпринимать усилия, направленные на привлечение Турции и других стран Ближнего и Среднего Востока к политике коллективной безопасности в интересах обеспечения всеобщего мира и недопущения войны.

В конце мая 1937 г. в Турцию прибыл новый полпред СССР М. А. Карский. В ходе своей первой встречи с президентом Турецкой Республики К. Ататюрком 1 июня 1937 г. он сказал, что Советское правительство поручило ему «укреплять и развивать» отношения с Турцией. Вместе с тем советский полпред был вынужден коснуться недоразумений, возникших в отношениях между СССР и Турцией. В ответ Ататюрк стал говорить, что советско-турецкие отношения продолжают оставаться превосходными, что «сотрудничество с СССР является основой турецкой внешней политики и что ни при каких обстоятельствах и ни за какую цену Турция не откажется от этого сотрудничества» [2. С. 284—285].

Со своей стороны глава турецкого правительства И. Иненю в беседе с М. А. Карским заявил, что Турция считает необходимым сотрудничество с СССР на принципах Лиги Наций и

коллективной безопасности и что она «совершенно не сочувствует агрессивным государствам и не намерена их в какой бы то ни было степени поощрять» [2. С. 286]. Иненю также уверял Карского в желании турецкого правительства «серьезно улучшить отношения с Францией» и сообщил о положительном впечатлении, вынесенном из своей недавней встречи с представителями французского правительства [2. С. 286]. Как сообщил 2 июня 1937 г. в НКВД СССР М. А. Карский, все его собеседники, включая Ататюрка, говорили, что предстоящий визит министра иностранных дел Турции Т. Р. Араса в Москву «окончательно рассеет» сомнения Советского правительства в отношении турецкой политики [2. С. 287].

Не ограничиваясь дипломатическими беседами с М. А. Карским, турецкие руководители решили сделать аналогичную декларацию публично. В частности, 14 июня 1937 г. Иненю, выступая в меджлисе, сказал: «Турецко-советская дружба будет существовать как прочный элемент в политике обеих стран. Я думаю, что мое настоящее заявление совершенно рассеет все сомнения, которые могли и могут родиться в умах относительно хороших отношений и искренней дружбы между обеими странами» [Цит. по: 3. С. 183].

Однако, несмотря на подобные заявления турецких руководителей, определенные основания для сомнений в отношении целей турецкой внешней политики у Советского правительства продолжали сохраняться. В частности, с учетом расширения связей Турции как с Англией, так и с гитлеровской Германией, вставал вопрос о том, какую направленность может приобрести Ближневосточный пакт, заключение которого продолжало оставаться одной из первоочередных задач турецкой дипломатии на данном этапе. Косвенным подтверждением возникавших в СССР сомнений относительно возможного характера новой региональной группировки в составе Турции, Ирака, Ирана и Афганистана можно считать донесения иностранных дипломатов из Москвы. Так, в начале июня 1937 г. послы Франции и Болгарии почти одновременно сообщили соответственно в Париж и Софию, что процесс сближения четырех вышеуказанных мусульманских стран, первоначально не встречавший возражений со стороны СССР, стал теперь рассматриваться в Наркоминделе с определенной озабоченностью [4. Р. 11; 5. Л. 69]. По словам болгарского посла Антонова, особое беспокойство в НКВД СССР вызывало то обстоятельство, что начавшаяся «перегруппировка» сил на Ближнем и Среднем Востоке происходит «в неизвестном для Москвы смысле» и при поощрении со стороны Англии [5. Л. 70].

Своеобразной попыткой опровержения подобных умозаключений иностранных дипломатов являлось вышеупомянутое выступление Иненю в турецком меджлисе в июне 1937 г. Коснувшись вопроса о предстоящем подписании Ближневосточного пак-

та, глава турецкого правительства, в частности, сказал: «Восточный пакт между Ираком, Ираном, Афганистаном и нами, о котором часто говорили в последнее время, по существу является пактом о ненападении и консультации... СССР и Англия, которые являются ближайшими соседями этих государств, осведомлены об этом пакте. У нас имеются также доказательства, позволяющие предполагать доброжелательное отношение с их стороны к этому пакту» [Цит. по: 6. 6 июля].

7 июня 1937 г. турецкий парламент ратифицировал все соглашения, заключенные с Ираном 14 марта и 20 апреля того же года [7.371/21935. Е 2214/2214/44. Р. 36—37]. Ратификация этих соглашений стала еще одним шагом на пути к окончательному подписанию Ближневосточного пакта. Теперь оставалось урегулировать последнее препятствие — найти удовлетворяющее обе стороны решение ирано-иракского пограничного спора. Функцию посредника в этом вопросе взяла на себя турецкая дипломатия.

8 июня корреспондент английского еженедельника «Великобритания и Восток» сообщил из Багдада о предстоящем визите в Ирак министра иностранных дел Турции Араса. По словам корреспондента, приезд Араса рассматривался в Багдаде как «событие огромного значения», имеющее целью «подчеркнуть очень сердечные отношения», установившиеся между Ираком и Турцией после прихода к власти в Ираке правительства Хикмета Сулеймана. В свою очередь турки, как отмечалось в корреспонденции, «высказали очень искреннее желание быть в самых лучших отношениях с соседними арабскими странами» [8. № 1360. Р. 883—884]¹.

В беседе с М. А. Карским 11 июня Арас также коснулся вопроса о своей предстоящей поездке в Багдад. Он заявил, что «спорные территориальные вопросы между Ираком и Ираном еще не улажены», вследствие чего Ближневосточный пакт «не будет подписан» во время его визита в Ирак [2. С. 309]. Одновременно Арас выразил свое удовлетворение соглашением с Францией по вопросу об Александреттском санджаке. «Теперь,— сказал он,— во франко-турецких отношениях начнется новая эра» [2. С. 309].² Эту же идею Арас развивал и при новой встрече с М. А. Карским 18 июня. Он уверял советского полпреда, что «франко-турецкие отношения могут считаться урегулированными и будут развиваться в духе дружественного со-

¹ В ходе обсуждения в парламенте Ирака вопроса о бюджете иракского МИД 7 июня 1937 г. некоторые депутаты, подчеркивая первостепенное значение для Ирака связей с соседними странами, выступили в поддержку предложения о кадровом укреплении дипломатических представительств Ирака в странах Ближнего и Среднего Востока за счет сокращения персонала дипломатических миссий Ирака в странах Европы [8. № 1360. Р. 884].

² 14 июня 1937 г. парламент Турции ратифицировал франко-турецкие соглашения по Александреттскому санджаку и турецко-сирийской границе от 29 мая 1937 г. [7. 371/21935. Е 2214/2214/44. Р. 11; 9. June 15].

трудничества» [2. С. 322]. Говоря о своем предстоящем визите в СССР, Арас заявил, что «никаких вопросов поднимать в Москве он не собирается. Его визит — это действительно визит вежливости. Он едет для того, чтобы продемонстрировать дружественные отношения и чтобы обменяться мнениями с руководителями Советского правительства» [2. С. 320—321].

Арас сообщил, что после Багдада он посетит еще Тегеран и только после этого поедет в Москву. Отвечая на вопрос М. А. Карского, Арас сказал, что вместе с ним в Ирак направляется турецкий министр экономики Дж. Баяр, который будет вести переговоры с иракским правительством по нефтяному вопросу. «Турецкое правительство, — сказал Арас, — озабочено нефтяной проблемой. Турция должна обеспечить себе получение нефти как в мирное время, так и в особенности на случай войны... Что касается Ирака, то турецкое правительство намерено получать свою долю мосульской нефти натурой³ и построить нефтеперегонный завод в Диярбекире. Турки также хотят, чтобы иракское правительство уступило им свою долю. Разрешение этого вопроса зависит от согласия англичан, и придется на эту тему разговаривать в Лондоне. У турок есть средства давления. Предстоит продление нефтяной концессии⁴, на что потребуются согласие турецкого правительства» [2. С. 321].

В этот же день, 18 июня 1937 г., Арас и Баяр в сопровождении многочисленных советников по различным вопросам выехали в Багдад. В советской литературе уже высказывалось мнение, что одной из главных целей этой поездки двух турецких министров была «подготовка конференции четырех стран — Афганистана, Ирана, Ирака и Турции» [12. С. 35]. Весьма знаменательно, что на другой день после отъезда Араса и Баяра из Анкары в английской газете «Таймс» была помещена статья, в которой говорилось о предстоящем подписании Ближневосточного пакта и даже излагалось содержание его статей. Подчеркивая руководящую роль Турции в организации новой политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке, «Таймс» писала, что благодаря реформам Ататюрка Турция быстро прогрессирует во всех сферах и становится во главе мусульманского мира, что примеру Турции стремятся следовать и другие участники пакта — Афганистан, Иран, Ирак. Защищая турок от обвинений в пантюркизме, которые выдвигались некоторыми органами арабской печати, особенно в Сирии, «Таймс» заявляла, что «инициатива и руководство Турции направлены только для

³ Согласно Анкарскому договору от 5 июня 1926 г. между Турцией, Англией и Ираком об урегулировании так называемого «мосульского конфликта» Турции предоставлялось право в течение 20 лет получать 10 % доходов иракского правительства от мосульской нефти либо капитализировать эту долю доходов в сумме 500 тыс. ф. ст. [См.: 10. С. 99; 11. С. 254; 8. № 1363. Р. 65].

⁴ Имеется в виду концессия, которой владела «Ирак петролеум компани».

достижения общих выгод членов пакта», который будет «содействовать делу мира во всем мире» [13. June 19].

На пути в Ирак турецкая делегация сделала остановку в Сирии. 21 июня, находясь в Алеппо, Арас дал интервью французскому информационному агентству Гавас. Стремясь рассеять недоверие арабов к политике Турции на Ближнем Востоке, он заявил: «Нас несправедливо обвиняют, что мы являемся противниками арабского единства. Мы — за союз, и мы уважаем арабский национализм... Мы намерены содействовать европейской политике, оставаясь тем не менее на службе Востоку» [14. June 22].

Накануне приезда турецкой делегации в Багдад во внутриполитической жизни Ирака произошло важное событие. 19 июня 1937 г., в знак несогласия с репрессивной политикой иракских властей, жестоко подавивших восстание шиитских племен Среднего Евфрата, подали в отставку со своих постов в правительстве «социальных реформ» министры-ахалисты. Как указывает Г. И. Мирский, «19 июня 1937 г. знаменовало конец «реформистского периода» режима Хикмета Сулеймана. Объединенные силы английского империализма, феодальной реакции и профашистской армейской верхушки задушили в зародыше буржуазно-реформистское движение, поддержанное демократическими и рабочими элементами» [15. С. 131—132]. В этой же связи другой советский историк, А. Ф. Федченко, писал: «Первый временный союз мелкобуржуазных демократов с армейскими националистами распался, так и не принеся ощутимых результатов для страны» [16. С. 68].

После отставки министров-реформистов в деятельности правительства Хикмета Сулеймана произошел резкий крен вправо. Хикмет распустил Партию национальных реформ, вступил на путь террора и борьбы с «коммунистической угрозой». С этого времени деятельность его правительства уже ничем не отличалась от антинародной и проимпериалистической деятельности правительства Ясина аль-Хашими. Хикмет оказался в полной зависимости от генерала Бакра Сидки, который занял господствующее положение в государственном аппарате. О «свободе» и «реформах» уже не было и речи. В Ираке восторжествовала реакция [15. С. 132; 16. С. 68].

Хотя происшедшие в Ираке события объяснялись прежде всего внутренними причинами, они имели и внешнеполитический аспект, который оказался незамеченным другими исследователями. Между тем английская печать сразу же обратила внимание на то, что одновременная отставка четырех министров (все — арабы по национальности) из семи, составлявших кабинет Хикмета Сулеймана, произошла «в самое неподходящее время», поскольку фактически совпала с прибытием в Багдад турецкой правительственной делегации. Хорошо информированный корреспондент еженедельника «Великобритания и Восток» в свя-

зи с этим писал, что одной из причин, подтолкнувших министров выйти из правительства Хикмета Сулеймана, «было различие во взглядах на предложение урегулировать вопрос о границе между Ираном и Ираком» [8. № 1362. Р. 25; № 1365. Р. 138].

22 июня турецкая делегация прибыла в Багдад, а уже через два дня английский еженедельник, комментируя ход начавшихся переговоров, проводившихся с участием представителей Ирана, писал, что они могут положить начало «новой политической эре» на Ближнем Востоке. В статье «Ближневосточный пакт», опубликованной 24 июня, говорилось, что длительные разногласия, существовавшие между Ираном и Ираком из-за Шатт-эль-Араба, «фактически урегулированы» и теперь «нет никаких препятствий на пути к давно провозглашенному Ближневосточному пакту между Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном». Отмечая определенное значение подготавливаемого пакта в деле обеспечения мира на Ближнем Востоке, статья особо подчеркивала «доминирующее положение» Турции в этом регионе и ее ведущую роль в процессе создания пакта [8. № 1361. Р. 895]. При этом британская печать одновременно всячески выделяла значение «англо-турецкой дружбы», которая, по ее словам, базируясь на «общности интересов», превратилась в «один из краеугольных камней в международной политике» [8. № 1361. Р. 895].

С точки зрения глобальных интересов британского империализма и в условиях обострения противоречий Англии с державами фашистской оси значение Турции, Ирана, Афганистана и арабских стран для Лондона было очень велико. В рассматриваемый период особое беспокойство английских правящих кругов вызывала политика фашистской Италии, стремившейся укрепить свои позиции и влияние в Средиземноморье и на Ближнем Востоке за счет интересов Англии и Франции. В частности, в июне 1937 г. английская пресса неоднократно писала об опасных для британских интересов попытках Италии установить свою гегемонию в Средиземноморье. Полпред СССР в Великобритании И. М. Майский, характеризуя состояние англо-итальянских отношений, 24 июня 1937 г. сообщал в Москву о «дальнейшем усилении напряженности между Лондоном и Римом» [2. С. 330]. По мнению некоторых иностранных дипломатов, в политике английского правительства в это время было заметным стремление к «изоляции Италии, ставшей слишком опасной в смысле угрозы английским путям в Индию» [2. С. 733—734]. Выражая мнение влиятельных британских кругов, член английского парламента Д. Ллойд-Джордж в беседе с И. М. Майским 1 июля 1937 г. сказал, что продолжающаяся совместная германо-итальянская интервенция в Испании создает серьезную угрозу для английских коммуникаций со странами Востока, угрожает «важнейшим имперским интересам Великобритании» [2. С. 353].

Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, отвечая

на запрос депутата в палате общин, заявил 28 июня 1937 г., что английское правительство выражает серьезное недовольство антибританской пропагандой, проводимой Италией в Палестине и Аравии. «Английский посол в Риме по моим указаниям,— сказал Иден,— сделал несколько представлений по этому вопросу» [Цит. по: 6.30 июня]. В эти же дни видный представитель британских военных кругов генерал Э. Айронсайд писал в своем дневнике: «Для того, чтобы восстановить наши утраченные позиции в Средиземноморье, мы должны начать с его восточной оконечности. Мы должны использовать Ирак и Палестину в качестве трамплина» [17. Р. 24]⁵. В целом странам Ближнего Востока отводилось первостепенное место в английской средиземноморской стратегии. Поэтому образование на Ближнем и Среднем Востоке новой региональной группировки из числа стран, придерживавшихся в основном проанглийской внешнеполитической ориентации, соответствовало интересам имперской политики Лондона.

28 июня 1937 г. английский посол в Ираке А. Кларк Керр телеграфировал в Форин-Оффис о том, что переговоры о Ближневосточном пакте, проходящие в Багдаде, протекают успешно и что в самое ближайшее время министры иностранных дел всех стран-участниц подготавливаемого пакта соберутся в Тегеране для его официального подписания. В этой связи посол сообщил, что он еще раз напомнил министру иностранных дел Ирака Наджи аль-Асилью, чтобы во время подписания Ближневосточного пакта тот сделал перед его участниками одностороннее заявление в том смысле, что англо-иракский союзный договор 1930 г. имеет для Ирака приоритетное значение в сравнении с подписываемым документом [7. 371/20786. Е. 3543. Р. 256]. Таким образом, с помощью зависимого от Англии Ирака британская дипломатия по-прежнему стремилась обеспечить для себя возможность влияния на решения, которые предстояло принимать участникам Ближневосточного пакта.

В результате посреднических усилий Араса 29 июня в Багдаде было парафировано ирано-иракское соглашение об установлении границы по реке Шатт-эль-Араб. Окончательное подписание этого соглашения должно было состояться в ходе встречи министров иностранных дел четырех стран в Тегеране [13. June 30]. Как указывает П. К. Тарасов, «парафирование ирано-иракского пограничного соглашения устранило последнее существенное препятствие на пути подписания Ближневосточного пакта, и его подготовка вступила в решающую фазу» [18. С. 58].

⁵ Вместе с тем Айронсайд не исключал и возможности достижения взаимоприемлемой договоренности с Италией. «Соглашение с Италией должно прийти рано или поздно»,— записал он в дневнике 13 июня 1937 г. [17. Р. 24]. Развивая эту же мысль, еженедельник «Великобритания и Восток» писал 1 июля 1937 г., что со временем «Италия поймет, насколько это важно для Рима иметь хорошие отношения с Парижем и Лондоном» [8. № 1362. Р. 3].

После парафирования соглашения о границе между Ираном и Ираком английская пресса стала писать, что оно «открывает путь к подписанию Ближневосточного пакта». Влиятельный английский еженедельник «Экономист» в этой связи отмечал, что новый пакт, в котором должны участвовать Турция, Ирак, Иран и Афганистан, призван играть на Ближнем и Среднем Востоке такую же роль, какую выполняют Балканская Антанта и Малая Антанта в Юго-Восточной Европе. При этом подчеркивалось, что «Турция будет являться связующим звеном между Ближневосточным пактом и Балканским пактом», который в свою очередь связан с Малой Антантой «посредством общего членства Румынии и Югославии» [19. № 4897. Р. 10].

Из Багдада Арас вылетел в Тегеран на предоставленном ему по инициативе британского посла в Ираке английском военном самолете. Весьма примечательно, что позднее, вернувшись в Турцию, Арас в беседе с английским послом П. Лорейном говорил, что, по его мнению, «предоставление этого самолета являлось самой многозначительной и доверительной формой поддержки со стороны правительства Великобритании его усилий, направленных на заключение Ближневосточного пакта» [7. 371/21935. Е 2214/2214/44. Р. 7].

По прибытии в Тегеран Арас был принят Реза-шахом, а затем начались его переговоры с министром иностранных дел Ирана Самии. Коснувшись в ходе беседы с полпредом СССР в Иране А. С. Черных 30 июня 1937 г. переговоров о Ближневосточном пакте, Арас сообщил, что прибытие иракского министра иностранных дел в Тегеран ожидается 1 июля, а его афганского коллеги — 6—7 июля. Арас заявил, что «при окончательном редактировании текста конвенции о Шатт-эль-Арабе между иракцами и иранцами еще могут возникнуть те или другие затруднения, так как вполне готового текста еще нет». Он сообщил, что подписание Ближневосточного пакта состоится 8 или 9 июля и что «после подписания пакта будет образован совет Ближневосточной Антанты», причем в качестве председателя этого совета на первый год предполагается избрать Самии. Арас также сказал, что собирается «предложить от имени этого совета послать приветственные телеграммы Литвинову и Идену, как представителям соседних стран» [2. С. 349].

Далее турецкий министр сообщил А. С. Черных, что у него был с визитом итальянский посланник, который интересовался, «почему так торопятся с подписанием Ближневосточного пакта». Арас констатировал, что «со стороны итальянцев проявляется беспокойство и недовольство по поводу пакта». Он не стал спрашивать итальянского посланника о причинах такого интереса и ограничился заявлением, что Ближневосточный пакт не представляет ни для кого никакой угрозы и что задачей его является только укрепление мира. Арас сообщил, что «Германия и Польша тоже проявляют интерес к факту заключения Ближневосточ-

ного пакта» и представители этих стран в Анкаре обращались в МИД Турции за соответствующей информацией. Однако этот интерес по форме был вполне корректным, не выходя за рамки просьб об обычной информации. Таким образом, заключил Арас, «только со стороны Италии этот интерес выходит за рамки простого любопытства» [2. С. 349].

Говоря об обстоятельствах, облегчающих заключение Ближневосточного пакта, Арас «особое место отвел урегулированию ирако-иранских споров по Шатт-эль-Арабу». Он сказал, что «увязывает благополучный исход этих споров с европейской ситуацией», которая привела к тому, что «наиболее трудный момент, а именно требование о трехчленном, с участием Великобритании, управлении Шатт-эль-Арабом, был в дальнейшем устранен» [2. С. 349—350] ⁶.

В заключение своей беседы с А. С. Черных Арас затронул вопрос о «неудовлетворительном характере ирано-советских отношений». Он сказал, что получил такую информацию из бесед с представителями советского посольства в Анкаре и содержания недавних бесед И. Иненю с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым. Арас сообщил, что первоначально он даже собирался предложить Советскому правительству свое посредничество в деле урегулирования ирано-советских отношений. Однако сейчас, приехав в Тегеран, он из бесед с премьер-министром Ирана Джамом и министром иностранных дел Самии убедился в том, что «в таком посредничестве, собственно, нет надобности». По словам Араса, в лице Самии он «нашел сторонника урегулирования ирано-советских отношений», причем Самии хотел бы установления с Советским Союзом, так сказать, «параллельных к Турции взаимоотношений». Турецкий министр стремился убедить А. С. Черных в том, что «после урегулирования вопроса с Ираком и подписания Ближневосточного пакта Самии намерен взяться за урегулирование ирано-советских вопросов», причем у Самии будто бы имеется идея, внушенная ему Арасом, чтобы после проработки вопросов о советско-иранской границе и других совершить визит в Москву для того чтобы обменяться мнениями с руководителями Советского правительства и «достичь взаимного понимания» [2. С. 350]. В целом в заявлениях, сделанных Арасом в ходе беседы с А. С. Черных, четко просматривается стремление турецкой дипломатии успокоить таким путем Советское правительство, заверить СССР в неизменности своей политики добрососедства и стремления к сотрудничеству с ним накануне подписания Ближневосточ-

⁶ Любопытно отметить, что на состоявшемся 21 июня 1937 г. в Лондоне ежегодном собрании акционеров Англо-иранской нефтяной компании председатель ее правления лорд Кэдмен, охарактеризовав отношение компании с иранским правительством как «отличные», подчеркнул значение устья реки Шатт-эль-Араб как для Ирана, так и для АИНК [8. № 1361. Р. 927—928].

ного пакта с тем, чтобы упредить его эвентуальное недовольство или возражения относительно данного пакта.

30 июня по приглашению иранского правительства из Кабула в Тегеран для участия в подписании Ближневосточного пакта выехал министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хан [6. 4 июля]. 2 июля к переговорам Араса с Самии в Тегеране присоединился министр иностранных дел Ирака Наджи аль-Асиль [18. С. 58]. На другой день в беседе с ним английский посланник в Иране Сэймур еще раз напомнил о необходимости сделать при подписании пакта одностороннее заявление о том, что обязательства Ирака по союзному договору с Англией сохраняют приоритет над его обязательствами по Ближневосточному пакту. Иракский министр заверил английского представителя в своей готовности сделать подобное заявление в полном соответствии с ранее достигнутой договоренностью [7. 371/20786. Е 3654. Р. 259]. Архивные документы британского МИД показывают, что в Форин-Оффисе придавали весьма серьезное значение такой декларации. Сотрудники ближневосточного отдела Форин-Оффиса предусмотрели даже запасной вариант: в случае, если бы представитель Ирака по какой-либо причине не сделал необходимого заявления при подписании Ближневосточного пакта, он должен был использовать для этого процедуру сдачи на хранение его ратификационных грамот [7. 371/20786. Е 3654. Р. 257—258].

4 июля 1937 г. в Тегеране был подписан ирано-иракский договор, который временно урегулировал длительный спор двух стран о границе по реке Шатт-эль-Араб [Текст договора см.: 20. № 9. Р. 435—437]. Правительства Ирана и Ирака признали (с некоторыми изменениями) имеющими силу и обязательными при определении ирано-иракской границы константинопольский протокол 1913 г. и протокол разграничительной комиссии 1914 г. Подписанный договор предусматривал, что граница между Ираном и Ираком по-прежнему проходит вдоль левого берега Шатт-эль-Араба, за исключением участка приблизительно в 5—8 км в районе иранского порта Абадан, где граница стала проходить не по левому берегу, а по тальвегу, то есть по линии самой глубокой части реки [15. С. 125; 16. С. 70; 21. С. 291; 22. Р. 240—246; 23. Р. 264—265]. Таким образом, большая часть Шатт-эль-Араба осталась под контролем Ирака, считаясь его территориальными водами.

По мнению иранского правительства, проблема и на этот раз не была решена, однако Реза-шах пошел на компромисс, согласившись на установление границы по тальвегу лишь в районе Абадана⁷. Нельзя не учитывать и то, что строительство

⁷ В 1969 г., воспользовавшись трудностями Ирака (войной в иракском Курдистане), шахский Иран в одностороннем порядке денонсировал договор от 4 июля 1937 г. и овладел де-факто левой половиной реки Шатт-эль-Араб на всем ее протяжении [24. С. 7; 16. С. 294—295].

нового порта в Бендер-Шахпуре, расположенного в иранских водах, уменьшило для Ирана значение портов на реке Карун, выход из которых в открытое море был возможен только через Шатт-эль-Араб [25. Р. 143]. В свою очередь премьер-министр Ирака Хикмет Сулейман считал, что, поскольку Великобритания одна извлекала пользу из Шатт-эль-Араба, нет оснований для конфликта между Ираком и Ираном [26. Р. 72] ⁸.

Как указывает С. Л. Агаев, «заключение ирано-иракского договора от 4 июля 1937 г. в значительной мере было результатом непосредственных переговоров и проявлением доброй воли обеих сторон...»⁹ отвечало интересам обеих стран, способствовало нормализации отношений между ними, укреплению их международного положения вообще и в районе Ближнего и Среднего Востока в частности». Однако «все это,— пишет далее С. Л. Агаев,— разумеется, не означает, что английская дипломатия не оказала никакого влияния на урегулирование ирако-иранских разногласий... Ирако-иранский договор содержал и такие статьи, которые прямо отвечали интересам английского империализма...»¹⁰ Великобритания оказывала влияние на отношения Ирана с Ираком и через посредничество турецкой дипломатии» [21. С. 291—293]. Не случайно британская печать, положительно оценивая ирано-иракский договор, заявляла, что, «возможно, пограничное урегулирование между Ираком и Ираном имеет более широкое значение», чем Ближневосточный пакт четырех стран [8. № 1364. Р. 75].

Подписание ирано-иракского договора 4 июля 1937 г. «ликвидировало последнее препятствие на пути организаторов Ближневосточной Антанты» [10. С. 160]. К этому же времени были еще раз обсуждены и окончательно согласованы статьи Ближневосточного пакта, который предстояло подписать министрам иностранных дел стран-участниц. Ожидали только приезда в Тегеран министра иностранных дел Афганистана [См.: 18. С. 58].

6 июля 1937 г. в газете «Правда» была опубликована статья международного обозревателя О. Петрова «Ближневосточный пакт», поводом для написания которой явились сообщения из

⁸ Следует отметить, что Х. Сулейман с детских лет был знаком с проблемой Шатт-эль-Араба, так как его отец во времена Османской империи являлся губернатором Басры.

⁹ В 1959 г. правительство Касема в Ираке денонсировало договор от 4 июля 1937 г. на том основании, что после переворота 29 октября 1936 г., совершенного генералом Бакром Сидки, весьма симпатизировавшим Резашаху, правительство Ирака вело переговоры с Ираном якобы под давлением [23. Р. 265].

¹⁰ В частности, объявив воды Шатт-эль-Араба свободными для плавания торговых судов всех стран и для военных кораблей договаривающихся сторон, соглашение в то же время предоставило каждой из них право разрешать плавание по Шатт-эль-Арабу военным кораблям третьей державы, в том числе Англии, при условии заблаговременного извещения об этом другой договаривающейся стороны. Это сохраняло за Англией возможность пользоваться Шатт-эль-Арабом в своих интересах.

Тегерана о предстоящем в ближайшее время подписании этого пакта. Говоря о предыстории и причинах создания пакта, автор статьи фактически затронул весь комплекс международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке. О. Петров писал, что согласно сообщениям иностранной печати подготавливаемый пакт «не будет иметь характера военного союза» и что его участники имеют своей целью «обеспечить безопасность на Ближнем и Среднем Востоке в рамках Лиги Наций и в соответствии с пактом Келлога». В статье говорилось, что заключающие Ближневосточный пакт страны обязались не вмешиваться во внутренние дела каждой из договаривающихся сторон, уважать общие границы, воздерживаться от всякой агрессии друг против друга, не допускать формирования на своей территории политических организаций, могущих нарушить мир на территории другой договаривающейся стороны.

Как справедливо отметил О. Петров, «международная печать, уделяя значительное внимание Ближневосточному пакту, интересовалась не столько его содержанием, сколько тем, какие политические влияния стоят за этим пактом» (выделено мной.— В. К.). Остановливаясь на причинах, побуждавших ближневосточные государства заключить пакт, писал О. Петров, печать указывала на «напряженное положение, создавшееся в бассейне Средиземного моря» в результате агрессивной политики фашистской Италии и начавшейся итало-эфиопской войны. В его статье говорилось, что речь Муссолини в марте 1934 г. об «исторической миссии» Италии в Азии и Африке «вызвала в свое время значительное беспокойство в Турции и других ближневосточных государствах». Карательные экспедиции итальянских войск в Ливии и нападение Италии на Эфиопию «имели следствием значительные политические сдвиги на Ближнем Востоке. В первую очередь они нашли свое выражение в движении за создание блока арабских государств, который фактически был образован в 1936 г. и, несомненно, носил характер сближения арабских стран для противодействия итальянской агрессии». В этой связи О. Петров отметил подписанный в апреле 1936 г. договор между Ираком и Саудовской Аравией, последовавший за ним договор Саудовской Аравии с Египтом, присоединение Йемена к ирако-саудовскому договору. «Эта система договоров между арабскими странами,— указывал автор статьи,— расширилась за последние месяцы подписанием договоров дружбы между Ираком и Сирией и между Турцией и Египтом».

О. Петров обратил также внимание на то, что «образование блока арабских государств» происходило при содействии Англии, стремившейся к «установлению сотрудничества между арабскими государствами для противодействия итальянской агрессии» на Ближнем Востоке, в традиционных сферах влияния и районах господства британского империализма. «Не подлежит сомнению,— делал вывод О. Петров,— что обострение

англо-итальянских противоречий содействовало сближению арабских государств. Но верно также, что эту политику вызвали к жизни отсутствие безопасности и безнаказанность, которой фактически пользуются государства-агрессоры». Нетрудно понять, что этим хотел сказать автор статьи. В его словах заключалась критика пресловутой политики «умиротворения» агрессоров, активным проводником которой являлось английское правительство.

Говоря о Ближневосточном пакте, О. Петров указывал, что его подписание стало возможным после того, как «на основе соглашения сторон» был урегулирован пограничный спор между Ираном и Ираком. Представляется заслуживающим внимания следующий тезис статьи О. Петрова: «Возникновение Ближневосточной Антанты в 1937 г., так же, как организацию Балканской Антанты в 1934 г., будущий историк, несомненно, объяснит тем отсутствием безопасности и наличием угрозы войны, которые характерны для международного положения последних лет. Эти причины побуждают малые страны к сближению, к созданию местных блоков в целях гарантии безопасности». Справедливость этих слов подтверждает вывод, сделанный впоследствии советским исследователем С. Л. Агаевым, который, в частности, полагал, что «заинтересованность Турции, так же как Ирана и других участников пакта, в создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке в первую очередь была связана с их общим стремлением упрочить свое положение на мировой арене и обезопасить свои границы в чреватой военным конфликтом международной обстановке того времени» [21. С. 294]. По нашему мнению, вышеуказанные причины действительно активизировали те интеграционные тенденции в политике стран Ближнего и Среднего Востока, которые привели к подписанию Ближневосточного пакта.

В заключение своей статьи международный обозреватель «Правды» писал: «Страны-агрессоры — в этом можно не сомневаться — попытаются использовать Ближневосточный пакт в своих целях. Об этом можно судить по тому вниманию, которое уделяет этому пакту, в частности, германская печать. Надо надеяться, что происки агрессоров не увенчаются успехом. Участники Ближневосточного пакта достаточно ясно отдают себе отчет в том, что *их безопасность может быть обеспечена по-настоящему только на основе коллективной безопасности*, в рамках Лиги Наций» (выделено мной. — В. К.).

7 июля 1937 г. в Тегеран прибыл министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хан. Таким образом, все было готово для подписания Ближневосточного пакта четырех стран. Телеграфируя об этом в Лондон, английский посланник в Иране Сэймур одновременно сообщил, что, по словам министра иностранных дел Ирака Наджи аль-Асиля, правительство Египта тоже проявляет свою заинтересованность в этом пакте и

«рассматривает возможность присоединения к нему в будущем». Сэймур писал также, что по сведениям, исходящим из итальянского посольства в Тегеране, правительство Муссолини рассматривает Ближневосточный пакт как «направленный в некоторой степени против интересов Италии» [7. 371/20786. Е 3848. Р. 264].

Итак, анализ источников и литературы позволяет сделать следующие выводы. На заключительном этапе переговоров о Ближневосточном пакте роль главной движущей силы принадлежала турецкой дипломатии, которая способствовала урегулированию ирано-иракского пограничного спора, являвшегося последним препятствием на пути к образованию Ближневосточной Антанты. Немаловажную поддержку усилиям турецкого министра иностранных дел в этом направлении оказала английская дипломатия, рассчитывавшая в дальнейшем влиять на позицию членов Ближневосточного пакта в международных делах (прежде всего через Турцию и связанный с Англией союзным договором Ирак) в интересах политики британского империализма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. СССР и Турция, 1917—1979. М., 1981.
2. ДВП СССР. М., 1976. Т. 20.
3. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948.
4. DDF. 1932—1939. Ser. 2. (1936—1939). Т. 6. Р., 1970.
5. ЦДИА. София. Ф. 176. Оп. 7. Д. 364.
6. Правда. 1937.
7. PRO, FO. 371/20786; 371/21935.
8. Great Britain and the East. 1937.
9. Tan. 1937.
10. Новейшая история Турции. М., 1968.
11. Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2.
12. Алексеев В. М., Керимов М. А. Внешняя политика Турции. М., 1961.
13. The Times. 1937.
14. Le Temps. 1937.
15. Мирский Г. И. Ирак в смутное время, 1930—1941. М., 1961.
16. Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, 1917—1969. М., 1970.
17. The Ironside Diaries, 1937—1940. L., 1963.
18. Тарасов П. К. Саадабадский пакт // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968.
19. The Economist. 1937.
20. Oriente Moderno. 1937.
21. Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925—1941 гг. М., 1971.
22. Khadduri M. Independent Iraq. L., 1951.
23. Ramazani R. K. The Foreign Policy of Iran. Charlottesville, 1966.
24. Касаткин Д., Ушаков В. Иран—Ирак: Четвертый год войны... // Азия и Африка сегодня. 1984. № 3.
25. Groseclose E. Introduction to Iran. N. Y., 1947.
26. Al-Marayati A. A diplomatic History of Modern Iraq. N. Y., 1961.